

Венец единый

Единство идеала служения Святой Церкви
в мученическом подвиге профессоров
Московской духовной академии
священномученика Илариона (Троицкого),
мученика Иоанна Попова и
священника Павла Флоренского

*Архиепископ Верейский Евгений,
ректор Московской духовной академии, профессор*

Начало XX века было очень сложным периодом в жизни духовных учебных заведений Российской империи. Будущее духовного образования и его дальнейшее развитие, значение монашества и его место в системе духовных школ, автономия и независимость академий – эти и многие другие вопросы порождали внутри преподавательской корпорации и в студенческой среде многочисленные споры и нередко приводили к серьезным разногласиям. Особенно большими внутренними нестроениями были отмечены периоды ректорства епископа Евдокима (Мещерского) (1903-1909) и епископа Феодора (Поздеевского) (1909-1917). Но несмотря на все сложности и противоречия тех лет, профессора и преподаватели Академии продолжали трудиться на поприще духовного образования и богословской науки. Именно на последние предреволюционные годы и приходится пребывание в профессорско-преподавательской корпорации Московской духовной академии трех выдающихся личностей, которые составляли славу дореволюционной Академии и оставили заметный след в русской богословской науке – профессоров архимандрита Илариона (Троицкого), священника Павла Флоренского и Ивана Васильевича Попова.

Если имена первых двух профессоров широко известны, их труды издаются, изучаются и пользу-

ются заслуженным вниманием, то личность профессора И. В. Попова (мученика Иоанна)¹ до последнего времени оставалась в тени, хотя именно он читал лекции по патрологии Владимиру Троицкому – будущему святителю Илариону – и Павлу Флоренскому, впоследствии выдающемуся мыслителю и религиозному философу.

Профессор И. В. Попов

И. В. Попов родился в 1867 году в городе Вязьма Смоленской губернии в семье священника и прошел традиционный для детей духовного сословия путь. Он был отдан в Вяземское духовное училище, затем поступил в Смоленскую духовную семинарию, а по ее окончании – в Московскую духовную академию, которую успешно окончил в 1892 году и был оставлен профессорским стипендиатом.

С 1893 года он занял в Академии кафедру патристики, а через четыре года защитил магистерскую диссертацию на тему «Естественный нравственный закон» и был удостоен степени магистра богосло-

¹ См. статью «Путь крестной славы» // Встреча №2 (18), 2004.

Профессор И. В. Попов

вия. С 1903 по 1906 годы профессор Попов являлся редактором академического журнала «Богословский вестник». Иван Васильевич болел душой за порученное ему дело и проявил себя как редактор, отличавшийся широтой подходов к богословским вопросам. При нем журнал пользовался большой популярностью, значительно увеличилось число подписчиков.

Профессор Попов ратовал за усиление автономии духовных академий. Так в 1905 году он принимал участие в разработке «Временных правил», которые изменили академический устав в сторону большей самостоятельности и независимости от синодального и епархиального управления. В следующем году в числе пяти других профессоров И. В. Попов на страницах газеты «Русские ведомости» публично выступил против увольнения из Академии В. О. Ключевского, а в 1910 году он также выступал против увольнения из Академии профессора И. М. Громогласова.

В силу того, что позиция Ивана Васильевича по существенным вопросам академической жизни далеко не всегда совпадала с мнением руководства Академии, он был зачислен в так называемый «либеральный» лагерь, хотя по своим общественно-

политическим убеждениям никогда не был либералом в собственном смысле этого слова.

Священник Павел Флоренский

В отличие от профессора Попова священник Павел Флоренский проделал нетрадиционный путь, прежде чем встал на стезю служения Церкви. Он родился в 1882 году в семье железнодорожного инженера в местечке Эвлах (ныне Азербайджан), где его отец строил участок Закавказской железной дороги. По окончании гимназии в Тифлисе он поступил на физико-математический факультет Московского университета, который окончил в 1904 году с дипломом I степени. В том же году он поступил в Московскую духовную академию.

Окончив Академию в 1908 году, Павел Александрович Флоренский был оставлен преподавателем истории философии. В 1911 году Флоренский принял священный сан. Вскоре он подготовил к защите на степень магистра богословия свой фундаментальный труд под названием «О духовной истине», переработанный затем в известную книгу «Столп и утверждение Истины». Весьма интересна краткая характеристика, данная И. В. Поповым отцу Павлу Флоренскому в связи с защитой магистерской диссертации: «В последнее время наделала большого шума диссертация священника Флоренского. Это действительно очень своеобразный человек со своеобразным мирозерцанием». В этой сдержанной оценке прослеживается уважительное отношение к молодому ученому, использующему в своих оригинальных разработках нетрадиционные для академической науки методы.

Эта настороженность в оценке личности и труда Флоренского свидетельствуют о разных путях, которыми шли Попов и Флоренский в постижении сложнейших богословских вопросов. Различие их опыта во многом было обусловлено особенностями духовного пути каждого из них и зависело от целого ряда факторов – происхождения, воспитания, образования, формирования мировоззрения и многих других. И. В. Попов как опытный профессор, хотя и с осторожностью относился к новаторским по тем временам взглядам и методам Флоренского, в то же самое время интуитивно почувствовал в молодом ученом искренность христианской веры и отдавал должное его преданности служению Истине.

С 1912 по 1917 год отец Павел Флоренский так же, как и некогда профессор Попов, был главным редактором «Богословского вестника», и ему также не удалось избежать достаточно жесткой критики в свой адрес со стороны значительной части корпорации. Он встал во главе печатного органа Академии в непростое время, когда между ректором – епископом Феодором (Поздеевским) и значительной

частью профессуры нарастало взаимное непонимание. «Отчуждение между ректором и корпорацией все более и более возрастает и тяжело чувствуется, кажется, и той, и другой стороной», – так характеризовал обстановку в Академии в одном из своих писем этого периода профессор Попов.

Архимандрит Иларион (Троицкий)

В нелегком для Московской духовной академии 1913 году ее инспектором назначен совсем еще молодой архимандрит Иларион (Троицкий). Сын священника Тульской епархии, он прошел тем путем, который внешне ничем не отличался от судеб тысяч детей духовенства. Окончил Тульское духовное училище и Тульскую духовную семинарию, поступил в Московскую духовную академию, которую блестяще окончил в 1910 году.

Его кандидатское сочинение под названием «Новозаветное учение о Церкви» объемом 1300 страниц содержало подробный и обстоятельный анализ эkkлезиологических воззрений отцов древней Церкви. Эта была первая в русской богословской науке столь серьезная работа по эkkлезиологии, которая, собственно, обозначила это направление в богословии как основное для XX века. Молодой ученый, подававший большие надежды, был оставлен при Академии профессорским стипендиатом по кафедре Священного Писания Нового Завета. Уже в 1912 году он подал в Совет Академии магистерскую диссертацию, которая представляла собой переработанный вариант кандидатской. В декабре 1912 года состоялась защита, по результатам которой Совет единогласно постановил присвоить соискателю степень магистра богословия.

Интересно, что Владимир Троицкий работал над своей диссертацией, посвященной учению о Церкви, почти параллельно по времени с отцом Павлом Флоренским, в центре внимания которого также находились вопросы, связанные с онтологическими принципами бытия Церкви. По свидетельству одного из современников книга Флоренского «Столп и утверждение Истины» «вопреки традиции школьного богословия заговорила о Церкви не как о музее догматов и преданий, правил и споров, чудес и сомнений, а как о живом и в наши дни организме святости и любви, как о продолжающемся на земле чуде Христова воплощения». Троицкий и Флоренский подошли к вопросу о Церкви с совершенно разных сторон: один раскрывал его в традиции академического богословия, другой с позиций уже сложившегося к тому времени нового направления – религиозной философии. Несмотря на огромную разницу в методах, и в характере подбора и анализа материала, интуиция обоих исследователей безошибочно указала им на важность изучения

П. А. Флоренский в студенческие годы

именно данной темы. Уже в конце прошлого столетия можно было сказать, что для православного богословия XX век прошел под знаком изучения проблем эkkлезиологии, которые со всей ясностью поставили в своих работах два, казалось бы, таких несхожих магистранта Московской духовной академии.

Архимандрит Иларион был, безусловно, незаурядной личностью – не только талантливым ученым, но и способным администратором. Однако нельзя сказать, что начало его деятельности на ученом и административном поприще было вовсе безоблачным. Обстановка в Академии в тот период была действительно непростой, и поневоле каждый член корпорации должен был так или иначе определяться в своем отношении к происходящему. О сложности положения, в котором оказалась академия, профессор Попов с глубокой внутренней болью пишет своему старому другу архиепископу Арсению (Стадницкому): «Когда мысленно сравниваешь время Вашего ректорства с настоящим, то получается такое ощущение, как будто служишь в совсем другом учреждении. У нас не осталось стариков. Быт академический умер. Мы не только не бываем друг у друга, но при встрече

Епископ Иларион (Троицкий)

по возможности даже и не разговариваем между собою. А отсюда Академии как целого теперь не существует. В ней действительно спокойно, но спокойно, как на Шипке, если припомнить эту знаменитую картину».

От разногласий к единству взглядов

Так получилось, что в ту пору профессор Попов и архимандрит Иларион оказались по разные сторо-

ны баррикад. Так, И. В. Попов не без горечи пишет епископу Арсению о том, что хотя «острый период борьбы, по-видимому, прошел, но разделение на наших и не наших, на приятных и неприятных продолжает существовать. Одних протаскивают всеми правдами и неправдами, или возводят их действительно недурные сочинения в перл создания. Других проваливают или пытаются провалить». Как видим, при всем том, что Попов достаточно резко критикует политику ректора и волей или неволей задевает в этой критике и архимандрита Илариона, он в то же время с научной беспристрастностью, хотя и сдержанно, оценивает магистерскую диссертацию последнего как «действительно недурную».

Впрочем, в последующие годы архимандрит Иларион сумел доказать, что своим быстрым продвижением по служебной лестнице он обязан не только протекции ректора. Он быстро заявил о себе как о самостоятельной фигуре, руководствующейся в своих действиях не соображениями конъюнктуры, а личными глубокими убеждениями и продуманной позицией. Постепенно его расхождения с ректором по ключевым вопросам жизни Академии стали проследиваться все более четко и к началу 1917 года привели его почти к полному идейному размежеванию с Преосвященным Феодором. Поэтому, в частности, на состоявшихся в том же году выборах ректора Академии он открыто голосовал против переизбрания епископа Феодора на новый срок.

В том же году вместе с иеромонахом Варфоломеем (Ремовым) архимандрит Иларион выступил против сделанного епископом Феодором на Съезде ученого монашества предложения создать особые братства ученых монахов «для ограждения чистоты православно-богословской науки». С присущим ему красноречием архимандрит Иларион открыто заявил, что «история академической науки вообще заставляет с большой осторожностью бросать профессорам академий обвинения в неправославии, так как общеизвестны факты, когда положения ученых работ, поспешно объявленные вредными для православия, скоро становились общепризнанными истинами. Не грозит какой-либо опасностью для православной богословской науки и вводимая в жизнь академическая автономия, потому что деятели академические остаются те же, и автономия не сделает их врагами Церкви, какими они не были и раньше. Нельзя не признать того факта, что ученое монашество в наше время не близко к богословской науке».

Как видно из этих слов, к 1917 году взгляды архимандрита Илариона и на автономию академий, и на положение в них профессоров-мирян и в целом на будущее духовного образования фактически полностью совпали с мнением Ивана Васильевича

Попова. Это духовное и идейное единство впоследствии только укреплялось.

Таким образом, 1917 год стал очень важным рубежом, который знаменовал собой начало новой эпохи не только в политической жизни России, но и в жизни Русской Церкви. От споров о внешнем устройстве церковной жизни вообще и разногласий по поводу развития духовных учебных заведений, нужно было перейти к решению качественно иного вопроса, неожиданно со всей серьезностью вставшего перед Церковью – как сохранить в новом государстве, возникшем на пространстве бывшей Российской империи, христианскую веру?

Патриаршество как столп и утверждение Церкви

Далеко не все в 1917 году предполагали, что засвидетельствовать свою веру многим придется ценой мученического подвига. После февральской революции многие еще находились в эйфории по поводу свержения самодержавия и как будто бы открывшихся, в том числе и для Православной Церкви, новых возможностей и свобод. Так, архимандрит Иларион, оценивая церковно-государственные отношения ушедшей в прошлое эпохи, интерпретировал их в либеральном ключе – вполне в духе времени, впадая при этом в очевидные крайности: «Самодержавие царское, по Петровскому идеалу образовавшееся, все время было враждебно к самостоятельности Русской Церкви и в этом отношении на свою погибель осталось верным себе до конца. Потребовался стихийный переворот, ниспровержение самого царского престола, чтобы наступило и для Православной Церкви благоприятное время созвать Собор». Если бы отец Иларион знал, чем обернется это «благоприятное время» в самом ближайшем будущем, он, вероятно, был бы более сдержанным в своих оценках.

15 августа 1917 года в Москве открылся Поместный Собор Русской Православной Церкви, в котором среди прочих делегатов приняли участие профессор Московской духовной академии архимандрит Иларион (Троицкий) и И. В. Попов.

Главным вопросом Собора было восстановление Патриаршества. Одним из идейных вдохновителей возглавления Русской Церкви Патриархом был архимандрит Иларион, который употребил всю силу своего красноречия, чтобы убедить участников Собора в необходимости для Русской Церкви Патриаршества, особенно в этот непростой исторический период. Известны ставшие уже хрестоматийными слова отца Илариона, сказанные им перед участниками Собора: «Святотатственная рука нечестивого Петра свела Первосвятителя Российского с его векового места в Успенском соборе.

Поместный Собор Российский от Бога данной ему властью снова поставит Московского Патриарха на его законное неотъемлемое место. И когда под звон московских колоколов пойдет Святейший Патриарх на свое историческое священное место в Успенском соборе, тогда будет великая радость на земле и на небе».

Мы не можем точно сказать, каковы были в то время взгляды отца Павла Флоренского и И. В. Попова по этому вопросу. Известно лишь, что еще в 1905 году профессор Попов весьма скептически отзывался о восстановлении Патриаршества, возможность чего уже тогда обсуждалась достаточно широко: «Восстановление Патриаршества, – пишет он, – ввергло бы нашу Церковь в горшее зло. Давление на Церковь шло бы тогда вместо Обер-прокурора через Патриарха». Эти опасения могли быть вполне оправданными в то время, когда Церковь имела статус государственного института и даже при наличии Патриарха продолжала бы оставаться под контролем государственной власти.

В новых исторических условиях, в которых оказалась Русская Церковь после 1917 года, перед лицом откровенного безбожия новой власти восстановление Патриаршества воспринималось уже в совершенно ином контексте. По крайней мере, в начале 20-х годов профессор Попов проявил себя как активный сторонник и деятельный помощник Святейшего Патриарха Тихона. Так, по его поручению он составил ответ Константинопольскому Патриарху Григорию VII, признавшему обновленцев и предложившему Патриарху Тихону устраниваться от управления Церковью.

«Ин тя пояшет и ведет,
аможе не хоцещи»

Как предполагают исследователи, именно близость к Патриарху стала причиной его ареста в декабре 1924 года. Он был осужден на три года Соловецких лагерей, и там принимал участие в составлении знаменитого «Послания соловецких епископов», где в качестве основных положений декларировались лояльность к советской власти, признание принципа отделения Церкви от государства и несовместимость христианства с марксизмом.

Под этим посланием подписался также и архиепископ Иларион, который также был осужден на три года Соловков в конце 1923 года. Благодарный ученик, владыка Иларион, по свидетельству очевидцев, в то время столь высоко отзывался о своем учителе, что «ни во что вменял знания всех собравшихся на Соловках перед знаниями Ивана Васильевича».

В конце лета 1925 года архиепископ Иларион был вывезен в Ярославскую тюрьму, где печально известный оперуполномоченный по делам религий Тучков пытался склонить его к участию

в спровоцированном советской властью расколе, который возглавил архиепископ Григорий (Яцковский). Встретив решительный отказ со стороны владыки Илариона, Тучков удвоил ему срок.

Постепенно подходил к концу и второй срок пребывания архиепископа Илариона на Соловках, и владыка уже готовился к возобновлению активной архипастырской деятельности. Но Промысл Божий судил иначе. 14 октября 1929 года Особое совещание Объединенного государственного политического управления приговорило его к ссылке в Алма-Ату. При отъезде с севера владыка Иларион заразился сыпным тифом и уже тяжело больным 4 декабря прибыл в Ленинград. Несмотря на все усилия докторов 28 декабря он скончался в ленинградской тюрьме «Кресты». Митрополит Серафим (Чичагов) совершил чин отпевания и похоронил архиепископа Илариона на кладбище Новодевичьего монастыря.

Профессор Попов так же, как и святитель Иларион, в самом конце отбывания первого срока в декабре 1927 года получил еще три года ссылки, которые он отбывал под Сургутом. В последний раз Иван Васильевич был арестован в ссылке 9 октября 1937 года. Решением тройки управления Народного комиссариата внутренних дел Красноярского края от 5 февраля 1938 года И. В. Попову была назначена высшая мера наказания – расстрел. Постановление было приведено в исполнение 8 февраля 1938 года в Енисейске.

Священник Павел Флоренский после революции принимал активное участие в работе Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры. Как член этой комиссии он приложил немало усилий, чтобы спасти от поругания мощи преподобного Сергия Радонежского. Характерно, что этим он продолжил дело профессора Попова, который еще в 1919 году сразу после закрытия Лавры выразил протест от имени Совета православных общин Сергиева Посада против изъятия мощей преподобного Сергия.

Отец Павел Флоренский лишился свободы 21 мая 1928 года при массовых арестах в Сергиевом Посаде. Вскоре состоялся его допрос, причем свои ответы Флоренский записал собственноручно: «Я веду исследовательские работы, связанные с военным ведомством секретного характера. Эти работы я взял добровольно, предложив эту отрасль работы. К советской власти я отношусь как к единственной реальной силе, могущей провести улучшение положения массы. С некоторыми мероприятиями советской власти я не согласен, но, безусловно, против какой-либо интервенции». Флоренский подвергся высылке в Нижний Новгород, но по ходатайству Е. Пешковой в середине сентября того же года был освобожден.

Второй арест последовал 26 февраля 1933 года. Отец Павел был обвинен как член несуществовав-

шей «Партии возрождения России», к которой якобы принадлежал также бывший ректор Московской духовной академии архиепископ Феодор (Поздеевский). Особой тройкой Объединенного государственного политического управления по Московской области священник Павел Флоренский был приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Сначала он был отправлен на Дальний Восток, где занимался исследованием проблем вечной мерзлоты. Через год по неизвестной причине его перевели на Соловки, где многогранный талант отца Павла снова нашел себе применение в изучении вопросов добычи йода. На основании доносов и лживых обвинений, а также в связи с ужесточением режима на Соловках отец Павел Флоренский по приговору особой тройки Ленинградской области был расстрелян 8 декабря 1937 года.

* * *

В настоящей статье мы не ставили перед собой задачу дать сравнительный анализ богословских или церковно-общественных взглядов трех почтенных профессоров Академии. Мы остановились лишь на некоторых деталях их биографии, которые, на наш взгляд, дают возможность показать, что каждый из этих талантливых людей, связавших всю свою жизнь с Московской духовной академией, стремился осуществить в своей жизни тот идеал Христов, к которому призывает нас Святая Церковь. Они, придерживаясь разных взглядов на многие вопросы церковной и общественной жизни, не боялись быть оппонентами друг другу в тех случаях, когда считали нужным отстоять свое мнение, поскольку каждый из них шел ко Христу своим путем и старался служить Православной Церкви в том звании, к которому чувствовал себя призванным.

10 мая 1999 года в московском Сретенском монастыре Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II совершил церковное прославление архиепископа Илариона (Троицкого). Постановлением Священного Синода Русской Православной Церкви 30 июля 2003 года Иван Васильевич Попов причислен к Собору новомучеников и исповедников Российских XX века. Отец Павел Флоренский также пользуется почитанием среди многочисленных последователей своего творчества. Всех их объединяло беззаветное служение Московской духовной академии, символом их духовного единства стало пребывание в печально известном Соловецком лагере особого назначения. Венцом же их духовных устремлений стало то единство во Христе, которого они сподобились благодаря мученической кончине, принятой каждым из них с христианским мужеством и твердым упованием на Промысел Божий.